

ДУХОВНАЯ ЦЕНЗУРА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧ. XX В.

*Липовецкий П. Е.
(Москва, Московская духовная академия)*

Цензура во все времена была одним из самых действенных методов контроля идейной жизни общества со стороны государства. Не была исключением и духовная цензура в России, сосредотачивавшая своё внимание на религиозных произведениях. К нач. XX столетия под её контролем находился весьма обширный спектр изданий: от нот богослужебных произведений до книг и конфессиональной прессы. Цензура в одних местах тормозила развитие богословской мысли, в других, напротив, сдерживала негативные тенденции. Так или иначе, духовная цензура – это не только историческое явление, но и фактор во многом определявший жизнь богословия в Российской империи на протяжении нескольких столетий.

Особенно интересным в отношении развитии христианской мысли представляется нач. XX в., когда в условиях происходит переоценка существовавших взглядов, в том числе и в церковной ограде. Определяющими для духовной цензуры в первые годы XX в. стали события Первой русской революции.

Однако прежде чем говорить об изменениях, постигших духовную цензуру в начале прошлого столетия, необходимо указать на основные вехи её развития и рассмотреть её устройство к началу исследуемого периода. Первый указ о духовном надзоре за «записанным словом» исследователи возводят ещё к середине XVI в., когда царь Иван IV требовал, чтобы священники контролировали деятельность переписчиков. В петровское время контроль уже за печатной литературой религиозного содержания обговаривался в Духовном регламенте: «Аще кто о чем Богословское письмо сочинит, и то е б не печатать, но переее презентовать в Коллегиум. А Коллегиум разсмотреть должно, нет ли каковаго в письме оном погрешения, учению православному противнаго»[7, с. 79]. В дальнейшем различные стороны контроля произведений, связанных с религией, дополнительно обговаривались на протяжении всего XVIII в., пока в 1796 г. не были учреждены в разных городах России цензурные комитеты, в

которые вошли и представители духовенства [4, с. 478]. Собственную же цензурную инстанцию Церковь получает в 1799 г., когда в Москве при Донском монастыре был создан особый комитет духовной цензуры [2, с. 390], состоявший исключительно из духовных лиц и подчинявшийся Синоду [2, с. 404]. Полномочия духовной цензуры уже в начале XIX в. были весьма значительны: согласно уставу гражданской цензуры 1804 г., пройти проверку обязывалось любое произведение, даже сколько-нибудь связанное с религией [13, с. 45].

Устав, по которому действовала духовная цензура в начале XX в., был принят в 1828 г. [10, с. 188] Круг произведений, подлежащих цензурному рассмотрению, как и в гражданском уставе, был достаточно широк и подразумевал анализ: «1) сочинений относящихся к церковному богослужению, 2) жизнеописаний святых в первый раз издаваемых, 3) сочинений и переводов, содержащих изъяснение целых книг Священного Писания, 4) сочинений и переводов, содержащих изложение догматов православно-кафолической веры и правил христианской деятельности, 5) сочинений и переводов, относящихся к церковному управлению» [3, с. 58]. Авторы закона особо отмечали, что «поелику не в духовных по главному содержанию книгах, весьма часто могут находиться места собственно духовного содержания, то в подобных случаях... обязаны они сноситься с духовною цензурою и руководствоваться ея заключениями» [Цит. по: 3, с. 188–189]. Таким образом, попадания в комитет духовной цензуры не могло избежать практически ни одно произведение, связанное с религией, кроме «встречающихся в разных книгах общих рассуждений о Боге и совершенствах Его, также о Христианской вере вообще, ибо правильныя о сих предметах понятия не могут не быть известны всякому православному христианину, а тем более Цензорам» [Цит. по: 3, с. 189]. Однако исключения всё же встречались и относились, главным образом, к церковным периодическим изданиям. К примеру, издатель «Церковно-общественного вестника» А. И. Поповицкий в 1872 г. благодаря покровительству со стороны председателя духовно-учебного комитета Синода добился переподчинения своего журнала гражданской цензуре [12].

Осуществлялась духовная цензура специально назначенными Синодом сотрудниками, которые входили в состав комитетов. Изначально комитеты находились при четырёх духовных академиях, а с середины XIX в. существовали отдельно от них. Наибольший вес имел и, соответственно, самый большой объем работы выполнял столичный комитет. Кроме того, с 60-х гг. во всех епархиях, где имелись свои периодические печатные органы, учреждаются и должности цензоров, которые обычно замещались по распоряжению правящего архиерея из числа видных священников епархии или преподавателей семинарии [17, с. 178]. Издания духовных

академий цензурировались ректорами [21, с. 233, 243] и советами [20]. Кроме того, миссионерские и просветительские организации (напр., «Общество восстановления православного христианства на Кавказе», «Казанское братство свт. Гурия» и «Алтайская духовная миссия») в регионах Российской империи, заселённых коренными народами, получили в это же время право самостоятельно контролировать издания на языках народностей, среди которых они вели работу [13, с. 46]. Таким образом, дореволюционная система духовной цензуры к нач. XX в. представляла собой сложную конструкцию, имевшую центральную часть, в виде столичных комитетов цензуры, провинциальную – в виде цензоров в каждой епархии, и специальную – в духовных учебных заведениях и комитетах при миссиях среди коренных народностей Сибири. На каждом звене этой конструкции лежала своя часть работы, которая определялась либо по территориальному, либо по тематическому принципу.

Все материалы, одобренные церковной цензурой, в обязательном порядке содержали на своих страницах сведения о цензорах, допустивших их в печать. В связи с этим обстоятельством сотрудники цензуры, допустившие произведение к печати, продолжали нести ответственность за текст и после его выхода, а в случае недовольства материалом со стороны выше стоящих чинов, получали соответствующее наказание [14, с. 45].

Подавляющее число церковных изданий проходило предварительную цензуру в духовных цензурных комитетах или у своих местных цензоров. К сожалению, на данный момент изучение функционирования духовной цензуры находится только на начальном этапе и поэтому дать общую характеристику степени «жёсткости» контроля религиозных изданий начала XX в. не представляется возможным. Можно привести лишь примеры и некоторые наблюдения на материале сравнения того, какие темы поднимались на страницах церковной прессы до 17 октября 1905 г. и после, когда цензура на короткий срок ослабла, а предварительная и вовсе была отменена.

В качестве же примера цензурного контроля до 1905 г. можно привести фрагмент из дневниковых записей митр. Арсения (Стадницкого), касающийся периода его управления Московской академией. Ректор отмечает, что некоторые профессора жаловались на суровость его цензуры [1, с. 32]. Например, запрет владыкой публикации откровенно не православной статьи проф. А. А. Спасского (1866 – 1916) вызвал целую волну возмущения со стороны последнего [1, с. 80]. Материал был написан ученым в качестве ответа на публикацию профессора А. И. Введенского (1861 – 1913) в рамках известной полемики по монашескому вопросу нач. XX в. Ректор академии так характеризует запрещенную статью в своём дневнике: «Отповедь эта из двух маленьких частей: в первой – площадная

ругань, во второй – протестантский взгляд на монашество, называемый “принципиально богословской точкой зрения”... Здесь он говорит, что монашество не согласно ни с Христовым, ни с апостольским учением... Нелепость этой тенденциозной статьи была так очевидна, что приходилось удивляться, как профессор церковной истории мог написать ее» [1, с. 81–82]. В данном случае, как следует из записи, владыка Арсений запретил публикацию откровенно «непороходной» статьи только после двух прочтений и обсуждений, но даже это вызвало негодование современников.

Описанный выше контроль церковной издательской деятельности существовал до осени 1905 года, когда смена курса государственной политики вызвала изменения не только в светской цензуре, но и в духовной.

Манифест 17 октября 1905 г. обещал жителям Российской империи помимо прочих свобод ещё и свободу слова [16, с. 483]. В идеале свобода слова подразумевает возможность человека беспрепятственно выражать свои мысли в устной или письменной речи [4]. Законодательной реализацией провозглашенного принципа в отношении прессы стал Именной высочайший указ Правительствующему сенату от 24 ноября 1905 г. «О временных правилах о повременных изданиях» [9]. Первым разделом документа периодические издания освобождались от основного цензурного надзора: «Предварительную как общую, так и духовную цензуру выходящих в городах империи повременных изданий, а равно эстампов, рисунков и других изображений, помещаемых в сих изданиях или же выпускаемых ими отдельными листами, – отменить» [9]. Вместе с предварительной цензурой отменялись постановления об административных взысканиях и денежные залогов от издателей, которые практиковались как мера по предотвращению публикации нежелательной для правительства информации.

Однако провозглашение свободы слова и отмена цензуры не означали, что с редакторов и издателей полностью была снята ответственность за публикуемые материалы и их деятельность отныне никем не контролировалась. Даже «Декларация прав человека и гражданина» 1789 г., документ образцовый для всех сторонников соблюдения прав человека, всё же предусматривает ответственность за произнесенное и написанное слово: «... каждый гражданин... может свободно высказываться, писать, печатать, отвечая лишь за злоупотребление этой свободой в случаях, предусмотренных законом» [6]. Поэтому и в России после октябрьского манифеста ответственность журналистов и писателей также прописывалась во «Временных правилах».

Цензура осуществлялась теперь не до, а после его выхода в печать продукции. Редакция, а по одному из официальных разъяснений – типография [5], должны были предоставлять определённое количество

экземпляров местному чиновнику по делам печати. Факт нарушения определялся в судебном порядке, а сами нарушения делились на два разряда: формальные и политические. Первые предусматривали штрафы за издание номера без необходимых сведений об издателе, редакторе, несвоевременное предоставление обязательных экземпляров в контрольный орган и т.п. Гораздо интереснее рассмотреть политические обвинения. В данном случае, можно сказать, что свобода слова действовала в полной мере: нарушением объявлялся лишь прямой призыв к забастовке или иному общественному беспорядку, квалифицировавшиеся «Правилами» как незаконные. Но о запрете рассуждений, в том числе самых «крамольных», о целесообразности существующей власти, например, нет ни слова. Впрочем, и за прямые призывы к политическим беспорядкам наказание было весьма умеренным – год и четыре месяца тюрьмы, да и то в худшем случае [8].

Наконец, по данному законодательству произошло упрощение в отношении периодической печати. Теперь процесс учреждения новой газеты или журнала становился более простым в отношении бюрократических процедур и издательских затрат.

Разумеется, общегосударственные законы распространяли своё действие и на печатную продукцию религиозного содержания, т.е. подведомственную духовной цензуре.

В течение полугодия с момента публикации нового указа о свободе слова, церковная власть никак не комментировала сложившееся положение. Отмена духовной цензуры происходила неравномерно. Более того, оказалось, что издания, близко связанные с церковной администрацией, стали скорее отказываться от цензуры и даже увольнять цензоров с их должностей. Так, «Богословский библиографический листок» при Киевской семинарии уже в ноябре вышел без прохождения предварительной цензуры, харьковский журнал «Вера и разум» – в декабре. Даже некоторые епархиальные ведомости, например, Владимирские, уже через месяц отказались от услуг своих цензоров. Напротив, почти не связанные с церковными административными структурами популярные журналы вроде «Кормчего», «Русского паломника» или «Воскресного благовеста» продолжали выходить с дозволения цензуры.

Такое стремление выйти из-под надзора официальных органов породило тревогу в Синоде и заставило издать разъяснительное определение от 7 июля – 1 августа 1906 г. [19, с. 375–376] Члены Синода обращали внимание редакторов и издателей на то, что помимо «Временных правил» существует распоряжение Государственного совета от 22 ноября 1905 г., согласно которому «право духовной власти иметь наблюдение за напечатаниями подведомственными ему установлениями (т.е. учреждениями – П. Л.)

изданий религиозного характера остается неотменным и за выходом новых узаконений о печати» [19, с. 376]. Должности цензоров предписывалось восстановить, а всех уволенных сотрудников вернуть на их прежние места.

Дальнейшее втягивание духовенства в водоворот революционных событий, отражавшееся и на страницах церковных периодических изданий, подвигло Синод к новым мерам по восстановлению контроля за печатью. В ноябре 1906 г. увидели свет «Правила, определяющие отношение церковной власти к обществам и союзам, возникающим в недрах Православной Церкви в не ее и к общественно-политической и литературной деятельности церковных должностных лиц» [18, с. 505–507]. Синод не мог воздействовать на всех православных христиан империи, поэтому ограничился контролем священнослужителей и мирян, служащих по духовному ведомству.

В частности, в отношении периодики «Правила» отдавали контроль за печатью в ведение высшей власти епархии или центрального органа управления Церкви. В том случае, если мирянин, служащий в духовном ведомстве, диакон или священник задумывали начать издание газеты или журнала, им предписывалось сначала заручиться благословением своего правящего архиерея. Если же за издательское дело брался епископ, то его инициатива обсуждалась в Синоде [18, с. 507].

Кроме того, в течение 1906 и 1907 гг. выходили различные более мелкие распоряжения относительно официальных церковных периодических печатных изданий, в основном разъяснительного характера, касавшиеся особенностей цензуры в академиях, увольнения редакторов «Епархиальных ведомостей» и т.д. [11, с. 347]

Таким образом, церковная власть не хотела полностью отказываться от надзора за периодической печатью, понимая опасность появления провокационных произведений. Однако в силу обстоятельств Синод сумел удержать контроль только над официозами и изданиями духовных учебных заведений, в то время как частные церковные издания или даже издания духовенства вовсе лишались контроля. Следовательно, если говорить о частных изданиях, то надзор за ними был связан с идеологическими убеждениями их учредителей, а не с законодательством. Теоретически епархиальное начальство могло предпринимать попытки вмешательства в политику изданий, определяющие посты которых занимали священнослужители, используя административные рычаги давления по отношению к пастырю. Но на деле это едва ли срабатывало – для журнала или газеты было достаточно найти «светского» издателя и возможность для вмешательства церковной власти исчезала. Так, например, поступили члены «Братства ревнителей церковного обновления». Будучи в основной своей массе священнослужителями, на должность издателя и редактора

своего журнала «Век», имевшего леволиберальную направленность, которую вряд ли бы одобрило начальство Санкт-Петербургской епархии, они приглашали людей, не имевших священного сана, В. А. Никольского, А. В. Попова и А. В. Карташева. Газеты и журналы с мирянами во главе и вовсе оказывались бесконтрольными.

Итак, изменение в режиме духовной цензуры с началом революционных событий 1905–1907 гг. стали важным этапом в истории не только духовной цензуры, но и церковной мысли. Следствием ослабления контроля над печатным словом стало возрастание количества церковных периодических печатных органов. А в церковном сообществе стали свободнее обсуждаться не только богословские и философские вопросы, но и события общественного и политического характера, ранее почти табуированные в церковной среде.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник. Т. 2: 1902–1903. По материалам ГА РФ / подгот. изд. и ред. О.Н. Ефимова. – М. : Изд-во ПСТГУ, 2013. – 526 с.
2. Барсов, Т. В. О духовной цензуре в России / Т. В. Барсов // Христианское чтение. – 1901. – № 9. – С. 390–404.
3. Бердников, И. С. Краткий курс церковного права Православной Церкви / И. С. Бердников. – Казань : Типо-литография Императорского Университета, 1913. – 1445 с.
4. В-в. В. Свобода личности // Энциклопедия Брокгауза и Евфрона // Библиотека «Вехи». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehi.net/brokgauz/>. – Дата доступа: 01.04.2016.
5. Высочайший именной указ Сенату от 22 марта 1906 года о временных правилах об обществах и союзах // Сайт Конституции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5205/>. – Дата доступа: 12.12.2015.
6. Декларация прав человека и гражданина // Великая Французская революция. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://larevolution.ru/declaration.html>. – Дата доступа: 26.08.2015.
7. Духовный регламент. – М. : Синодальная типография, 1879. – 196 с.
8. Именной Высочайший указ о временных правилах о повременных изданиях от 24 ноября 1905 года // Сайт Конституции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5204/>. – Дата доступа: 12.12.2015.
9. Именной Высочайший указ о временных правилах о повременных

- изданиях от 24 ноября 1905 года // Сайт Конституции Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5204/>. – Дата доступа: 12.12.2015.
10. Исполатов, И. Краткий обзор истории и современного состояния вопроса о церковном наблюдении за произведениями литературы / И. Исполатов // Церковные ведомости. – 1909. – № 4. – С. 188–195.
 11. Исполатов, И. Краткий обзор истории и современного состояния вопроса о церковном наблюдении за произведениями печати (окончание) / И. Исполатов // Церковные ведомости. – 1909. – № 7. – С. 344–347.
 12. Карпук, Д. А. «Церковно-общественный вестник» как орган либерально-обличительного направления в духовной публицистике в эпоху императора Александра II / Д. А. Карпук // Санкт-Петербургская духовная академия: [сайт]. URL: <http://old.spbda.ru/news/a-2023.html>. – Дата доступа: 08.03.2015.
 13. Карпук, Д. А. Духовная цензура. Основные вехи из истории духовно-цензурных комитетов в синодальный период / Д.А. Карпук // Православное книжное обозрение. – № 1. – С. 42–51.
 14. Карпук, Д. А. Служба и жизнь. Повседневная жизнь цензоров Санкт-Петербургского духовно-цензурного комитета в середине XIX века / Д. А. Карпук // Православное книжное обозрение. – 2014. – № 9. – С. 38–47.
 15. Котович, А.Н. Комитеты духовно-цензурные / А.Н. Котович // Богословская энциклопедия. Т. 12. – СПб., 1911. – Стлб. 478.
 16. Манифест 17 октября 1905 года // Церковные ведомости. – 1905. – №43. – С. 483.
 17. Нетужилов, К.Е. Епархиальная периодическая печать в дореволюционной России / К.Е. Нетужилов // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Общественные и гуманитарные науки. – 2006. – № 7. – С. 174–182.
 18. Правила, определяющие отношение церковной власти к обществам и союзам, возникающим в недрах Православной Церкви в не ея и к общественно-политической и литературной деятельности церковных должностных лиц от 18–25 ноября 1906 года // Церковные ведомости. – 1906. – № 48. – С. 505–507.
 19. Разъяснительное определение Святейшего Синода от 7 июля – 1 августа 1906 года // Церковные ведомости. – 1906. – № 33. – С. 375–376.
 20. Распоряжение учебного комитета Св. Синода за №2223 от 18–29.10.1885.
 21. Устав Православных Академий, Высочайше утвержденный 20 апреля 1884 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е. – СПб., 1887. – Т. 4. – № 2160.